

Литературное наследство. Том 105. Андрей Белый: Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Отв. ред. А. Ю. Галушкин, О. А. Коростелев; научн. ред. М. Л. Спивак; сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад. М.: Наука, 2016. 1120 с.

Очередной том «Литературного наследства» представляет уникальный пласт наследия А. Белого: собрание автобиографических текстов, написанных в разных жанрах: «Краткие биографические сведения», заметка «К биографии», монументальные «Материалы к биографии» и «Ракурс к дневнику», заметки разных лет «Работа и чтение», «Жизнь без Аси», списки рефератов, выступлений, прослушанных и прочитанных курсов, перечни городов и мест, в которых удалось побывать, и т. д. Составители объединили их заглавием «Автобиографические своды», все они отражают попытки писателя в разные периоды жизни восстановить хронологию тех или иных событий. Исключение составляет четвертый раздел тома, заслуживающий отдельного разговора.

Особенность «Автобиографических сводов», как сказано в предисловии к тому, заключается в «их предназначенности “для себя”, а не “для читателя”», они названы здесь «копилкой фактов и переживаний, извлеченных из памяти, а не систематизированных и художественно обобщенных их описанием» (с. 6). Собрав их воедино, составители выделили особый пласт в наследии А. Белого, который, по их мысли, будет способствовать «воссозданию достоверной и подлинной истории жизни писателя» (с. 6).

Особое место этих фактологий в наследии писателя не вызывает сомнения, но вот их способность воссоздавать «достоверную и подлинную историю жизни писателя» вызывает серьезные сомнения. Их содержание свидетельствует скорее об обратном: любое углубление А. Белого в собственную биографию, даже если это ответы на анкету для комиссии «Научные учреждения и научные работники СССР», может дать неожиданные результаты. В ответах мы находим помимо сведений о родителях сведения о крестных отце и матери, перечень московских профессоров, постоянно посещавших дом его отца, и т. п. Упомянуто здесь и о противоположности педагогических устремлений отца и матери, вследствие чего «художественная линия матери и строго-научная отца с ранних лет сказались как раздвоение ребенка...» (с. 13). В ответах на анкету мы улавливаем сюжеты, знакомые и по художественному, и по мемуарному творчеству писателя. На всем, что выходило из-под пера А. Белого, лежит печать совершенно специфической заикленности на одних и тех же темах собственной биографии. «Автобиографические своды» не являются исключением, они лишний раз выявляют существовавшую в голове писателя матрицу, кото-

рая проступает сквозь все написанное им, распознается под разными личинами и в его художественной прозе, и в мемуарах, а теперь вот еще и в анкете советских лет.

В более пространных фактологиях А. Белого, таких как представленные в томе трехсотстраничные тексты — «Материалы к биографии» (1924), охватывающие период с рождения писателя (1880) и до 1915 года, и «Ракурс к дневнику» (1932), охватывающий период с 1899-го по 1930-й, — эта матрица повторена еще более очевидно, здесь фактология так плотно обросла оценками, полемикой, описаниями болезненных душевных переживаний и т. п., что почти неотличима и от мемуаров, и от художественной прозы. Кстати, в процессе работы над «Материалами к биографии» А. Белый не случайно называл их «воспоминаниями биографического характера» (с. 266). Чисто регистрационный принцип он выдерживал лишь в небольших текстах, посвященных отдельным страницам собственной биографии: в описании географических передвижений, в рамках сюжетов «Жизни с Асей», «Кружков людей, в которых мне приходилось бывать», в списках прочитанных лекций, рефератов и бесед.

Поэтому «Автобиографические своды» едва ли могут служить «воссозданию достоверной и подлинной истории жизни» писателя. Достоверная и подлинная история жизни А. Белого воссоздана в комментариях Дж. Малмстада и А. Лаврова, которые содержат в себе одновременно и Летопись жизни и творчества писателя, и Словарь его окружения, и материалы к энциклопедии.

Тем не менее выделение «Автобиографических сводов» в качестве самостоятельного пласта наследия писателя оказывается весьма плодотворным. Поскольку, как отмечают А. Лавров и Дж. Малмстад, А. Белый относится «к числу тех писателей, чей биографический опыт служит не только стимулом для творчества, но и непосредственным содержанием этого творчества» (с. 5), все написанное им можно рассматривать как многоуровневую конструкцию, некий гипертекст с единым героем. Жизнь этого героя в разных пластах гипертекста предстает в особом ракурсе, каждый из них выдвигает особый угол зрения на «биографический опыт писателя», но все они одинаково субъективны. В итоге «достоверная картина пережитого» может быть воссоздана лишь за рамками этого гипертекста, в пределах которого мы вращаемся в кругу одних и тех же тем и сюжетов, хотя видим их каждый раз под новым углом зрения; повторяющиеся ситуации окружены таким разнообразием оценок, что прилежный читатель А. Белого никогда не испытывает впечатления дежа вю. Обилие оттенков и нюансов, возникающих при каждом новом погружении писателя в собственную биографию, образует в его творчестве как бы второй план, следить за которым временами даже увлекательно. Портреты од-

них и тех же людей предстают то как нейтральные изображения, то как дружеские шаржи, то как карикатуры, то словно искаженные кривым зеркалом.

В этой самонетождественности, колебании оценок и суждений заключается основная особенность творчества А. Белого, и в этом он обнаруживает родство с нелюбимым им Василием Розановым. В ответ на обвинения в двурушничестве со стороны К. Чуковского и П. Струве, в отстаивании противоположных политических суждений Розанов поместил в «Новом времени» фельетон, где утверждал: «Сколько можно иметь мнений, мыслей о предмете? Сколько угодно... Сколько есть “мыслей” в самом предмете: ибо нет предмета без мысли, и иногда — без множества в себе мыслей». «Итак, по-вашему, можно иметь сколько угодно *нравственных* “взглядов на предмет”, “убеждений” о нем?» «По-моему, и вообще по-умному — сколько угодно». «Ну, а на каком же это расстоянии времени?» «На расстоянии одного дня и даже одного часа»¹.

Творчество А. Белого, рассматриваемое как единый гипертекст, демонстрирует возможность бесконечного количества «взглядов на предмет». В этом заключается творческая природа писателя, и «Автобиографические своды» лишний раз ее выявляют.

Четвертый раздел тома, подготовленный М. Спивак, заслуживает особого внимания: он открывает особую страницу в биографии А. Белого, выходящую за пределы гипертекста и разрушающую его основную матрицу. Здесь представлены послереволюционные дневники писателя, точнее, то немногое, что от них сохранилось, поскольку сами дневники были изъяты органами ОГПУ вместе с архивом А. Белого в 1931 году и не были ему возвращены. В предисловии к разделу сказано, что дневники А. Белый начал вести в середине 1920-х годов, но отдельные записи постоянно разрастались в статьи, а некоторые и в трактаты, часть которых обещано опубликовать в дальнейшем. Неспособность А. Белого вести дневник примечательна, в этом отношении он может быть назван антиподом А. Блока, который вел не только дневник, но еще и сразу несколько записных книжек, и в каждую делал записи, относящиеся к определенным сферам жизни — творческим, деловым, хозяйственным и т. п. К подобному постоянству А. Белый был органически неспособен.

От дневников 1930-х годов до нас дошла «машинопись на 25 страницах, сделанная сотрудниками ОГПУ в ходе следствия по делу о контрреволюционной организации антропософов и в про-

¹ Розанов В. В. Литературные и политические афоризмы: Ответ К. И. Чуковского и П. Б. Струве // Новое время. 1910. 25 ноября. С. 2–3.

цессе работы над обвинительным заключением по делу» (с. 832). Поскольку следователи ОГПУ делали выписки с целью привлечь А. Белого к «делу» антропософов, они выбирали все то, что могло бы служить доказательством антисоветских настроений писателя. В результате получился уникальный в своем роде «человеческий документ», как назвал бы его Блок, в каждой строчке которого отражена реальная и повседневная жизнь писателя в эпоху, в курсах советской истории называемая эпохой социалистического строительства. Аресты, голод, отсутствие заработка и элементарных жизненных удобств заставили писателя отрешиться от самопознания и превратиться в летописца новой советской реальности. Более достоверное свидетельство трудно себе представить, и вряд ли художественными средствами можно передать ужас последних лет жизни А. Белого. Всю предшествующую жизнь он чувствовал себя жертвой окружения, интриг, непонимания и постоянно жаловался. Но обстоятельства его жизни в 30-е годы оказались таковы, что мы слышим уже не жалобы, а вопль отчаяния, чаще всего обращенный к Богу, что неожиданно в устах антропософа. Интонационно эти записи более всего напоминают «Записки сумасшедшего», что не удивительно — ведь именно в эти годы А. Белый писал свое «Мастерство Гоголя». Выписки из дневников писателя, которые по неизвестным причинам ОГПУ не использовало по прямому назначению, оказались бесценным объективным материалом для его биографии, уникальным свидетельством, которое когда-нибудь будет использовано на суде истории.

В целом же новый том «Литературного наследства», посвященный А. Белому, не просто аккумулирует неопубликованные материалы его архива, подготовленные на самом высоком научном уровне, не только открывает перед исследователями новый пласт его наследия, но и позволяет увидеть наследие писателя в совершенно особом ракурсе — по-новому и ярко — на фоне «страшных лет России».

Евгения ИВАНОВА

Институт мировой литературы РАН